

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Н. В. Юхнева

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ПОЛОЖЕНИЯ И ОБЛИКА РАБОЧЕГО КЛАССА ПЕТЕРБУРГА — ЛЕНИНГРАДА

(Заметки этнографа по поводу книги «История рабочих Ленинграда». Л., 1972, т. I, 554 стр.; т. II, 459 стр.)

Близость исторической и этнографической проблематики на разных этапах развития советской науки проявлялась неравномерно. В 20-е гг. круг исследуемых историками и этнографами вопросов во многом совпал, и те и другие проявляли большой интерес к рабочему классу. Причем историки занимались весьма широким кругом проблем: их интересовала не только революционная борьба пролетариата, но и его формирование, состав, положение, быт¹. Однако начиная с 30-х гг. историю рабочих стали излагать исключительно как историю борьбы рабочего класса за свое освобождение (до 1917 г.) и как историю его трудовой и общественной активности (после 1917 г.). В этот период появилось значительное расхождение между историческими и этнографическими исследованиями. С конца 50-х гг. историческая наука вновь расширяет свою проблематику. В круг внимания историков включаются такие вопросы, как формирование, численный рост и источники пополнения рабочего класса, его социально-экономическая характеристика (социальная и профессиональная структура, степень концентрации и т. п.), положение рабочих, их облик, понимаемый как сумма субъективных качеств, таких как сознательность, политическая зрелость, культурное развитие, психический склад, морально-нравственные черты². Одно это перечисление проблем убеждает в необходимости самых тесных контактов между учеными, историками и этнографами, изучающими рабочих. Хотя такие контакты имеют место и можно было бы назвать даже несколько случаев научного сотрудничества, тем не менее часто историки недостаточно знают, что делают этнографы, а этнографы — чем занимаются историки. Думается, один из способов преодоления этой разобщенности — взаимное рецензирование.

В 1972 г. вышла из печати подготовленная Ленинградским отделением Института истории АН СССР двухтомная «История рабочих Ленин-

¹ См. А. М. Панкратова, Проблемы изучения истории пролетариата, в кн. «История пролетариата СССР», сб. I, М., 1930, стр. 156—168.

² См., например: «Изменения в численности и составе советского рабочего класса», М., 1961; «Формирование и развитие советского рабочего класса», М., 1964; Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония, М., 1970.

града». Это первое издание, в котором история рабочих Петербурга-Ленинграда излагается столь подробно и хронологически полно — от основания города до наших дней. Однако сразу же следует оговорить, что книга эта является историей не всех вообще рабочих Петербурга-Ленинграда, а только фабрично-заводских. Авторы не касались строительных рабочих (за исключением первой главы I тома), рабочих транспорта и связи, коммунального хозяйства, так называемой сферы обслуживания и некоторых других категорий. Появление книги, носящей обобщающий характер, оказалось возможным благодаря тому, что многие вопросы истории ленинградского рабочего класса в последние десятилетия получили освещение в специальных работах³.

В рецензируемой книге освещаются вопросы формирования, численности и социального происхождения рабочего класса, приводятся данные о его половозрастной и профессиональной структуре, анализируется правовое и экономическое положение рабочих, показаны условия их труда и отчасти быта: уделено внимание и характеристике отдельных черт облика рабочих. В главах, относящихся к дореформенному времени (1703—1861 гг.), эти вопросы составляют основу изложения, в последующих главах все большее место занимают вопросы политической истории. Это различие вызвано не позицией авторов, а ходом исторического процесса. Именно в конце XIX в. пролетариат России окончательно формируется не только как класс, но и как политическая сила и начинает играть ведущую роль в политической истории. Во втором томе, посвященном советскому периоду, главное внимание уделено росту трудовой и общественной активности рабочих, их героическим делам в военные и мирные годы. Вопросы же формирования, социально-экономической характеристики рабочего класса еще в большей степени отходят на второй план.

Мы не ставим задачу дать исчерпывающий анализ и оценку «Истории рабочих Ленинграда»; остановимся только на проблемах, наиболее интересных для этнографа.

Довольно полное освещение на страницах первого тома «Истории рабочих Ленинграда» получило формирование рабочего класса. Существенной особенностью этого процесса в Петербурге было то, что с самого начала пролетариат складывался из пришлых элементов. Город не рос естественным путем из находившихся издавна на его территории деревень; кустарной промышленности в ближайшей округе не было вовсе, а окрестное крестьянское население долгое время играло минимальную роль в пополнении рабочих кадров петербургских предприятий. В этом отличие формирования петербургского пролетариата от некоторых других групп русских рабочих, которые складывались на местной основе и постепенно пополнялись выходцами из других районов.

Первоначально рабочее население столицы формировалось принудительным путем. Правительство подбирало и переселяло сюда мастеровых, которые были ему нужны. Основной отраслью промышленности в Петербурге в то время было судостроение. Квалифицированных судостроителей в XVIII в. давали Олонецкая и Архангельская верфи. Знакомые с корабельным делом плотники были привезены в начале века из Поморья. Мастеровых для оружейных и пороховых заводов переселили из Московско-Тульского промышленного района и из Олонца. С 20-х гг. XVIII в. главным источником пополнения рабочих кадров казенных заводов стали рекруты, т. е. фактически крестьяне. К сожалению, неизвестно, из каких они происходили областей. Большую группу тогдашних петербургских рабочих составляли строители. Главная их масса была переведена из Московской губернии. Таким образом, по-

³ О них идет речь в предисловиях к обоим томам, библиография дана также в подстрочных примечаниях.

стоянное рабочее население Петербурга в XVIII в. формировалось из уроженцев северных и центрально-черноземных губерний. Кроме постоянных было много и временных рабочих. На казенных заводах неквалифицированные работы временно выполняли приписанные к заводам крестьяне Петербургской и Архангельской губерний. На строительстве и на частных предприятиях работали отходники из государственных и частновладельческих (оброчных) крестьян. На строительство приходили из Новгородской, Ярославской и Костромской губерний, на фабрики — из тех мест, где были соответствующие кустарные промыслы (кожевники — из Олонцкого уезда Новгородской губернии, текстильщики — из Московской, шляпники — из Костромской и Ярославской губерний). В целом это был тот же район, уроженцами которого были и постоянно жившие в Петербурге мастера. Таким образом, исторические материалы показывают, что первоначально рабочее население Петербурга формировалось преимущественно из уроженцев тех областей, где были распространены северорусский и среднерусский варианты народной культуры.

Интересно было бы выяснить, — а это уже задача этнографов, — какие элементы этой культуры принесли с собой в столицу работные люди и каким преобразованиям они подверглись в условиях городской жизни. Кое-какие сведения об этом можно получить из описания нравов и обычаев петербургских жителей, сделанного И. Г. Георги⁴. Небесполезно также заглянуть в архивы. В первой главе рецензируемой книги находим, например, такое извлеченное из архива описание «мастерской избы»: «две светлицы, меж ими сени» (т. I, стр. 31). Надо думать, что исторические документы, прочитанные глазами этнографа, смогут заговорить на «этнографическом языке».

Авторы «Истории рабочих Ленинграда» прослеживают постепенный рост применения на петербургских заводах и фабриках наемного труда, связывая этот процесс с вопросом становления рабочего класса. «Само собой разумеется, — читаем в рецензируемой книге, — что наемные работники второй половины XVIII в. не являлись еще промышленными пролетариями периода развитого капитализма. Они были относительно свободными лишь по отношению к владельцу предприятия, оставаясь чаще всего феодально зависимыми по отношению к отпустившим их на заработки помещикам или государству. Однако лишение их средств производства, их полная оторванность, особенно в условиях Петербурга, от земледелия, наконец, способ их эксплуатации на частновладельческих предприятиях, хотя и осложненный рядом феодальных пережитков, дают основание квалифицировать вольнонаемных работников петербургской частновладельческой промышленности в качестве предпролетариата» (т. I, стр. 66). Такая точка зрения широко распространена, но отнюдь не бесспорна. В XVIII — начале XIX в. владелец предприятия, применявшего наемный труд, разумеется, более «предкапиталист» (или даже капиталист), чем тот, кто пользуется трудом принудительным. Однако еще вопрос, кто более «предпролетарий» в это время — наемный фабричный рабочий или зависимый мастеровой. При анализе положения рабочих в XVIII в. мы обнаруживаем поразительный феномен: признаки будущего пролетария распределены между этими двумя категориями рабочих. Несвободные мастеровые казенных заводов оторваны от земли, их основное и единственное занятие — работа на предприятии, они полностью отделены от средств производства, у них высокая квалификация, мастерство, это не только кадровые, но и потомственные рабочие. У вольнонаемных рабочих — главным образом оброчных крепост-

⁴ И. Г. Георги, Описание российского императорского столичного города С.-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, в 15 отделениях, издан П. Безаком в 3 частях, СПб., 1794.

ных — налицо один из существенных признаков пролетариата — наемный характер труда, но они накрепко связаны с помещиком, имеют надел земли и часто занимаются сельским хозяйством; работа на производстве для них не единственное, а нередко и не основное занятие; чаще всего они заняты на неквалифицированных, не требующих обучения работах. По нашему мнению, обе описанные группы в известном смысле были предшественницами будущего пролетариата, но первая группа — в гораздо большей степени, чем вторая⁵.

Характерно, что во второй половине XIX в. передовым отрядом петербургского рабочего класса стали не текстильщики, среди которых в предреформенное время преобладали вольнонаемные, а машиностроители и металлисты, в большинстве своем бывшие до 1861 г. крепостными. Быт, образ жизни, традиции, складывавшиеся из поколения в поколение, оказались важнее. Кому же, как не этнографам, изучить быт, образ жизни, традиции предпролетариата, ведь к концу XIX в. из этих элементов сложилась специфическая культурно-бытовая система, характерная для рабочего класса.

Большое значение авторы рецензируемой книги придают росту удельного веса кадровых рабочих (т. е. тех, кто проработал на производстве не менее 5—10 лет и имел семью в городе) в период капитализма. С точки зрения историка, каков процент кадровых рабочих, таков процент настоящих пролетариев. Настоящих пролетариев? По социальному положению — безусловно, по быту, культуре — отнюдь нет. С точки зрения этнографа, кадровый рабочий, 5—10 лет назад приехавший из деревни, а семью перевезший в город, может быть всего 2—3 года назад, — это человек, находящийся на грани двух культур, переживающий процесс ломки старых и становления новых семейных и бытовых устоев, общественных традиций, привычек, взглядов. Для формирования же особой пролетарской культурно-бытовой системы необходимым условием является наличие группы потомственных пролетариев, а для ее усвоения нужны как минимум два поколения. В связи с этим особенно важно изучить формирование ядра потомственных петербургских рабочих и передачу ими из поколения в поколение традиций не только революционных (о чем историки пишут), но и культурно-бытовых.

В конце XIX — начале XX в. в России еще не было единой городской культуры в этнографическом смысле этого слова. Разные социальные слои городского населения отличались друг от друга в культурно-бытовом отношении. В частности, у рабочих складывалась особая, характерная именно для них культурно-бытовая система. Вместе с тем в это время сама рабочая культура формировалась в локальных формах, так что культурно-бытовой комплекс уральских, например, рабочих отличался от южнорусского и не был похож на столичный. В этой связи большой интерес для этнографии представляют исследования особенностей формирования, положения, истории и облика отдельных групп русского рабочего класса, в частности, петербургского.

При чтении «Истории рабочих Ленинграда» бросается в глаза постоянное наличие в составе рабочего класса Петербурга большого числа неместных уроженцев. Так, в 1869 г. среди металлистов только 12%, а среди текстильщиков 8% родилось в Петербурге. В 1902 г. среди всех рабочих столицы местных уроженцев было всего 19,5%. Петербург как крупный промышленный центр и как столица в пореформенные годы привлекал к себе огромные массы пришлого рабочего люда. Обращает

⁵ Такой же точки зрения придерживается П. А. Вагина. По ее мнению, предшественниками пролетариев на уральских заводах следует считать крепостных заводских рабочих, а не вольнонаемных, так как первые по условиям труда и быта и по идеологии ближе к будущему рабочему классу. См. П. А. Вагина, К вопросу об истоках многоукладности (по материалам Урала второй половины XVIII в.), в кн. «Вопросы истории капиталистической России»; Свердловск, 1972, стр. 291—299.

на себя внимание чрезвычайно пестрый состав пришлых рабочих столицы. В пореформенное время расширяется район выхода пришлых петербургских рабочих. В 1869 г. они были выходцами из 11, в 1897 г. — уже из 49 губерний. В это время в столицу приходят рабочие не только из северных и среднерусских губерний, но и из западно- и южнорусских. В рецензируемой книге никак не анализируется национальный состав рабочих Петербурга, между тем, благодаря близости к нему территорий с нерусским населением, среди рабочих столицы были финны, эстонцы, карелы и белорусы.

Нельзя не отметить (об этом ничего не говорится в рецензируемой книге) внутреннюю неоднородность рабочего класса Петербурга. Надо сказать, что в главах, относящихся к XVIII — первой половине XIX в., даны характеристики многочисленных групп рабочих, различных по общественно-экономическому и правовому положению. Во второй половине XIX в. в культурно-бытовых традициях если не юридически, то фактически, безусловно, сохранялись пережитки этой дореформенной пестроты, которая создавалась также разнообразием местных традиций, приносимых пришлыми рабочими. Многоотраслевой характер петербургской промышленности тоже, вероятно, играл какую-то роль; не все, конечно, но рабочие некоторых профессий, безусловно, отличаются особыми культурно-бытовыми чертами. Нельзя забывать также о том, что в Петербурге сосуществовали предприятия, весьма различные по размерам (заводы-гиганты и мелкие предприятия) и по уровню развития (высокоразвитые индустриальные предприятия и заведения мануфактурного типа). Этот чрезвычайно интересный вопрос — о культурно-бытовых группах внутри петербургского рабочего класса в конце XIX — начале XX в. — не только не разработан, но и не ставился пока ни историками, ни этнографами. В «Истории рабочих Ленинграда» он затрагивается косвенно только дважды. Говорится о наличии в рабочем классе Петербурга прослойки так называемой рабочей аристократии и напоминаются предложенные В. И. Лениным критерии выделения этой прослойки: «образ жизни», «размер заработка» и «миросозерцание»⁶. Нельзя не отметить, однако, некоторые разногласия в трактовке этого вопроса в I и II томах рецензируемой книги (т. I, стр. 468 и т. II, стр. 14). В одной из глав специфика быта на мелких предприятиях рассматривается как одна из причин, вызывающих особенности политического поведения рабочих таких предприятий. Приведем здесь эти необычные для исторической работы рассуждения. Дело в том, что во второй половине 1906 г. более решительно действовали рабочие небольших предприятий. Автор объясняет это как экономическими, так и социально-бытовыми и психологическими причинами. Первые сводились к тому, что «мелкий хозяин экономически не мог позволить себе объявить локаут, закрыть предприятие на продолжительное время или даже провести массовые увольнения» (т. I, стр. 321). Вторые вытекали из особенностей небольших рабочих коллективов: «На небольших предприятиях, где все друг друга хорошо знают, где всякое нарушение правил товарищеского общежития накладывает печать на весь коллектив и где уклад внутренней жизни в большой мере зависит от качества коллектива (особенно на предприятиях с автономными правилами), рабочие ревниво относились к соблюдению в своей среде норм рабочей этики. Вот почему рабочие весьма часто принимали решение штрафовать (в пользу безработных) за пьянство, сквернословие, прогулы и т. п. Высоко было развито чувство товарищеской взаимопомощи» (т. I, стр. 321—322).

Вероятно, мы назвали далеко не все факторы, влиявшие на формирование рабочей, а впоследствии общегородской культуры Петербурга. Этот вопрос требует специального изучения.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 308.

Этнографы интересуют также затронутые в «Истории рабочих Ленинграда» вопросы так называемого положения рабочих. С наибольшей полнотой исследованы правовое положение рабочих, условия труда, заработная плата; во многих случаях характеристика заработков дополняется анализом бюджетов, а где нет материала — сравнением доходов и ценами на основные продукты питания. Рассмотрены также жилищные условия, но, как и во всех исторических работах, жилище рассматривается не как элемент определенного типа бытовой культуры, а только как показатель тяжелых условий, в которых жили рабочие.

Подробно, с привлечением большого фактического материала, показано повышение культурного уровня петербургских рабочих на протяжении XIX — начала XX в. Относительно высоко развитая промышленность столицы требовала профессионально подготовленных рабочих кадров. В первой половине XIX в. стали появляться школы сначала на казенных, а потом и на некоторых частных предприятиях. С 1868 г. организацией школ для подготовки квалифицированных рабочих занималось Русское техническое общество, к 1895 г. им было открыто 35 школ. В подъеме общего образования и культуры рабочих большую роль сыграли создаваемые демократической интеллигенцией воскресные школы. Расширению кругозора рабочих способствовала также нелегальная революционная пропаганда. В результате к концу XIX в. сложился, правда еще немногочисленный, тип рабочего-интеллигента. Наряду с этим шел процесс изменения психологии более широких рабочих масс. В книге показан психологический аспект влияния как агитационной деятельности революционеров, так и стачечной борьбы самих рабочих на широкие круги пролетариата. Революция 1905—1907 гг. наложила глубокий отпечаток на облик петербургского рабочего класса. В революционной обстановке менялись быт, взаимоотношения, рос интерес к просвещению, культуре, усиливалась тяга к объединению. Пробуждались к сознательной жизни самые темные, задавленные группы населения, такие как прислуга, официанты и т. п. Главным итогом революционных лет были, как сказано в рецензируемой книге, «изменения в сознании, психике, другими словами, политическое пробуждение рабочего класса, его восхождение на новую ступень». Возросла «тяга к знаниям и культуре», причем развитие общеобразовательных знаний мыслилось в тесном сочетании с повышением общественно-политического сознания; в клубах, школах, просветительных обществах работа шла параллельно в обоих направлениях» (т. I, стр. 335—337).

В годы после первой русской революции просветительная деятельность среди рабочих получает небывалый дотоле размах. Действуют многочисленные общества самообразования (и воскресные школы при них); самым значительным было Петербургское общество народных университетов. Большое внимание культуре и просвещению уделяли возникшие в годы революции профсоюзы. В итоге накануне первой мировой войны среди рабочих Петербурга «не изредка, как в конце XX в., и не сотнями, как в начале XX в., а тысячами насчитывались революционные рабочие-интеллигенты, путем самообразования и активного участия в политической жизни страны достигшие широкого круга разнообразных знаний» (т. I, стр. 397).

Суммируя впечатления от I тома «Истории рабочих Ленинграда», следует сказать, что он дает цельное, достаточно полное и детальное представление о формировании и росте петербургского пролетариата на протяжении 200 лет, освещает некоторые стороны положения и условий жизни рабочих и в разделах, посвященных революционной борьбе и общественной деятельности рабочего класса, характеризует отдельные существенные черты его облика. На базе материалов этого тома, идя своим путем, этнографы могли бы развивать свои исследования быта и культуры петербургских рабочих.

Том II «Истории рабочих Ленинграда» посвящен советскому периоду и, как уже говорилось, несколько отличается от I тома по затрагиваемой тематике. Наиболее полно освещена в нем производственная и общественная деятельность рабочих. Разбирая этот том, мы также оставимся прежде всего на проблемах, интересующих этнографов.

Вопрос о путях пополнения ленинградского рабочего класса не освещается детально во II томе, однако по ходу изложения можно все-таки в общих чертах уловить динамику этого процесса от первых послереволюционных лет до сегодняшнего дня.

В 20-е гг. пополнение и обновление рядов ленинградского рабочего класса происходило главным образом за счет детей рабочих (свыше половины среди вновь принятых в металлообрабатывающую промышленность и около двух третей — среди принятых в текстильную), но крестьянский прилив был все же более или менее значительным, соответственно 31,3% и 25,2% (т. II, стр. 149—150).

Приток крестьян резко возрос в годы коллективизации. К сожалению, в книге приведены несравнимые материалы (для 20-х гг. — процент выходцев из крестьян по отношению ко вновь принятым, для 1931 г. — по отношению ко всем рабочим). Я позволю себе напомнить приведенные Ю. В. Арутюняном данные о том, что среди вновь принятых в 1931 г. металлистов 49% составляли крестьяне по происхождению⁷. Рост, таким образом, был значительным (от 31 до 49%).

Заслужой авторов нам представляется попытка дать характеристику социальной неоднородности выходцев из деревни в 20-е гг. К сожалению, состав ленинградских рабочих по социальному происхождению в 30-е гг. не анализируется, что отчасти объясняется недостатком статистических данных, относящихся к тому периоду. В двух последних главах очень кратко говорится о формировании рабочего класса Ленинграда в послевоенные годы. Мы узнаем, что восстановление количественного состава рабочих в 1945—1955 гг. было достигнуто за счет приезжих, а в последующее десятилетие основным источником воспроизводства рабочего класса становится сам город. К сожалению, вопрос о социальном происхождении новых пополнений здесь даже не ставится. Совершенно выпал из поля зрения авторов II тома и такой важный не только для этнографов, но и для историков вопрос, как районы выхода новых ленинградских рабочих. Все это особенно странно в свете растущего в последние годы интереса к проблемам миграций и социальной мобильности.

Во II томе «Истории рабочих Ленинграда» авторы среди других задач ставили своей целью также раскрыть на примере ленинградских рабочих глубочайшие изменения, происшедшие в рабочем классе за годы Советской власти, в частности в его материально-бытовом и культурном уровне. Следует отметить, что повышение уровня жизни ленинградских рабочих не просто декларируется, как это еще часто бывает, а показано на фактах. Для каждого хронологического отрезка зафиксирован уровень номинальной и реальной заработной платы, анализируются семейные бюджеты, приведен набор потреблявшихся продуктов.

Достаточно полно показывается рост культурного уровня ленинградских рабочих в советское время. Мы помним, что в конце I тома говорилось о наличии среди петербургских рабочих довольно многочисленной прослойки культурных, интеллигентных рабочих-революционеров, сыгравших важную роль в революционном движении. После победы Октября передовая, интеллигентная часть петербургских рабочих уходит на партийную, государственную, хозяйственную работу, причем мно-

⁷ Ю. В. Арутюнян, Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности, в кн. «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)», М., 1964, стр. 115.

гие из них уезжают из Ленинграда. В результате собственно рабочий класс остается без интеллигентной прослойки (если иметь в виду рабочих, как тогда говорили, «от станка», а не по социальному происхождению). Авторы как-то не обращают внимания на это обстоятельство, между тем оно весьма характерно для тех лет.

В последующие годы в Ленинграде велась огромная работа по ликвидации неграмотности, которая сильно осложнялась постоянным пополнением из деревни, вливавшимся в рабочий класс. Завершить ликвидацию неграмотности удалось только в 1933 г., когда резко снизился приток в Ленинград сельского населения. Тогда встала новая задача — добиться, чтобы каждый рабочий получил начальное (4-классное) образование. С этой целью была развернута широкая сеть школ для взрослых. Однако общий культурный уровень рабочих в то время был по-прежнему относительно невысок. Причина, по нашему мнению, была в том, что в эти годы из состава рабочего класса продолжался отлив на руководящую работу самой образованной, самой деятельной, самой сознательной его части. В рецензируемой книге можно найти немало убедительных фактов, подтверждающих это предположение. В 1929 г. в органы управления были выдвинуты 2 тыс. рабочих, в 1930 г. — почти 8 тыс., в 1933 г. — 3,5 тыс. (т. II, стр. 265, 267). Одновременно большое число рабочих пополняло ряды интеллигенции (главным образом технической): в 1933 г. доля рабочих среди студентов возросла до 56,2%; помимо этого, существовало много других форм подготовки специалистов высшей и средней квалификации из рабочих.

Исследуя вопрос о культурном уровне рабочих в 20-е — 30-е гг., следовало бы, по-видимому, исходить именно из того, что рабочий класс в это время являлся главным источником формирования новой советской интеллигенции и аппарата управления; естественно поэтому — и не следует обходить этот вопрос, — что в составе рабочих сократился и слой рабочих-интеллигентов. Если до революции рабочий класс вынужден был создавать свою интеллигенцию внутри себя, то после революции свобода социального продвижения привела к формированию рабочей интеллигенции как особой социальной прослойки, тесно связанной с рабочим классом.

Существенные качественные изменения в рабочем классе произошли только в 1956—1965-е гг. В это время очень вырос культурный и образовательный уровень рабочих Ленинграда. Наиболее типичным для них стало 7—10-классное образование. Для целого ряда профессий обязательным является среднетехническое образование. Среди рабочих вновь стала значительной прослойка рабочих — интеллигентов.

Надо сказать, что и этнографические исследования подтверждают переломный характер периода конца 50-х — начала 60-х гг. Следствием большой социальной мобильности 30-х гг. (из крестьян — в рабочие, из рабочих — в интеллигенцию) была неоднородность норм и форм бытовой культуры в городе. Спустя два поколения эта прошлая мобильность явилась одной из причин, способствовавших формированию единой современной городской культуры.

«История рабочих Ленинграда» убедительно показывает качественную сторону протекавших в рабочем классе процессов, но не дает, к сожалению, достаточно четких количественных представлений о них. Для анализа динамики любого процесса необходимы сводные таблицы, если не для всей работы, то хотя бы по периодам. Но отсутствие таких таблиц — полбеды. В конце концов, вдумчивый читатель берет лист бумаги и выписывает из разных глав данные о количестве неместных уроженцев, связи рабочих с землей и т. п. Но тут его ждет главное разочарование. Дело в том, что приведенные цифры, как правило, несравнимы. Например, уровень грамотности рабочих представлен такими данными: 1862 г. — грамотность всех рабочих (выборочно, в процентах), 1897 г. —

грамотность рабочих мужчин и женщин отдельно и рабочих разных отраслей (в процентах), 1918 г.— грамотность мужчин и женщин (в процентах), 1920 г.— грамотность всего населения города (в процентах и абсолютных числах), 1926 г.— число неграмотных среди всего населения города (в абсолютных числах), 1931 г.— грамотность среди женщин-работниц отдельно по разным производствам (в процентах). Столь же не сравнимы данные о количестве неместных уроженцев, о связях рабочих с землей и др. Иногда, правда, несопоставимость данных вызвана характером имеющегося в наличии материала, но в этих случаях тем более необходимы комментарии и авторские сопоставления. Имеет место также неверная интерпретация статистического материала. Так, характеризуя возрастной состав рабочих, авторы везде подчеркивают, что среди них преобладали рабочие от 20—21 года до 39—40 лет (т. I, стр. 131, 393, 469) или от 18 до 49 лет (т. II, стр. 154) и т. д. Ясно, что таких рабочих и должно быть больше всего, так как слишком велик диапазон взятых возрастов. Если уж оценивать возрастной состав, нужно взять равные по числу лет группы или привести имеющиеся материалы к одному знаменателю. Поясним это на примере данных за 1918 г. (т. I, стр. 469, третья и четвертая графы добавлены нами).

Возрастные группы, лет	Процент рабочих в группе	Число возрастов в группе	Процент рабочих каждого возраста
До 17	10,5	3 года условно	3,5
18—20	11,8	3 года	3,9
21—39	46,6	19 лет	2,5
40—59	28,9	20 »	1,45

При таком подсчете, вопреки утверждению авторов, выяснится, что преобладали рабочие как раз молодых, а не средних возрастов. И это естественно; те, кто работал в 21—39 лет наверняка были рабочими уже в 18 лет (более позднее начало трудового пути в те времена было совершенно исключено). Но не все работавшие в 18—20 лет продолжали работу в 39 лет. Проработав несколько лет в городе, некоторая часть молодых рабочих возвращалась в свою деревню. Немалая часть девушек-работниц из городских рабочих семей бросала работу после замужества.

Недостатки в подаче цифрового, статистического материала особенно обидны в такой серьезной в целом работе, как «История рабочих Ленинграда».

Жаль также, что при характеристике рабочего класса в последние годы авторы не использовали работы социологов, много и плодотворно изучающих ленинградских рабочих⁸. От этого книга много выиграла бы, наполнившись конкретными и убедительными фактами. Это еще раз подчеркивает необходимость сотрудничества представителей родственных наук.

В целом же «История рабочих Ленинграда», основанная на обширной исторической литературе, а во многих частях и на документах, впервые вводимых в научный оборот, будет полезна всем, кто интересуется становлением и развитием рабочего класса нашей страны, в том числе и этнографам.

⁸ «Человек и его работа. Социологическое исследование» (под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова), М., 1967; «Социальные проблемы труда и производства» (под ред. Г. В. Осипова и Я. Щепаньского), М., 1969 и др.